

УДК 94(477.75):351.746.1 »1902/1904»

ТАВРИЧЕСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ (1902–1904)

Пасечников И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: info_ingvar@list.ru*

Рассматривается организация и деятельность Таврического охранного отделения в 1902–1904 гг. Уделено внимание предпосылкам создания подобных органов политического сыска. Дается описание политической и революционной ситуации как во всей Российской империи, так, в частности, и Таврической губернии. Показаны отличия в работе «охранки» от остальных подобных учреждений. Отдельно отмечена её структура, сотрудники и финансирование. Даются краткие биографические данные начальников этой службы в Крыму. Также указаны требования к агентуре и филёрам. Описываются условия и правила их службы. Анализируется работа охранного отделения, направленная на поддержание политического порядка. Выделены наиболее яркие эпизоды борьбы с революционным движением. Представлено наблюдение за подпольными группами в крупнейших городах региона. Освещаются противоречия и соперничество между органами политической полиции губернии. Выявляются причины упразднения Таврической «охранки» в 1904 году. Объясняется факт возрождения её аналога в Севастополе. Предпринята попытка определения роли охранного отделения в историческом процессе на территории Крыма и Северной Таврии в указанный период.

Ключевые слова: Таврическая губерния, политическая полиция, Отдельный корпус жандармов, охранное отделение, «охранка», политический сыск, революционное движение.

ВВЕДЕНИЕ

Возникший с конца 80-х годов XX века интерес к изучению истории организации и деятельности государственных спецслужб Российской империи стал катализатором для появления многочисленных работ по этой теме, как вполне научных, так и чисто публицистических. К сожалению, сложность структуры и определенных направлений работы органов политической полиции дореволюционного периода нередко приводили (и до сих пор приводят) к ложным и ошибочным трактовкам и выводам. Так, в советские годы в массовых изданиях под общим и достаточно аморфным термином «охранка» часто подразумевали всю систему политического и даже уголовного сыска. И только работы отдельных ученых, а также исследования последних десятилетий позволили серьезно изменить устоявшуюся традицию. В них были даны четкие отличия и специфика охранных отделений, выделявшие их на фоне других подразделений [1].

В то же время, если на общегосударственном уровне изучение деятельности органов политического сыска царской России получило серьезное развитие, то на ре-

гиональном оно зачастую представлено только отдельными статьями и работами, где деятельность «охранки» рассматривается исключительно в контексте подобных служб. Так, среди крымских исследователей, обращавшихся к проблеме функционирования данного структурного органа Департамента полиции непосредственно на территории Таврической губернии, стоит назвать С. В. Бородина, В. И. Королёва, В. В. Крестьянникова, А. Р. Кучеренко [2]. Однако «охранка» в их работах также затрагивается лишь фрагментарно. Кроме того, присутствует ряд неточностей.

Таким образом, главной целью данной статьи является освещение организации и деятельности Таврического охранного отделения, а также определение его роли в историческом процессе на территории Крыма и Северной Таврии.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

В конце XIX – начале XX века практически на всей территории Российской империи стал заметен активный рост антиправительственной пропаганды и деятельности. Причиной этому явился новый этап в развитии революционного движения в стране. На смену народникам-одиночкам, которые в былые годы безрезультатно пытались вести агитацию среди крестьян, пришли профессиональные революционеры. В крупнейших городах они стали создавать кружки, соединив свою деятельность с рабочим движением. Борьбу с ними возглавил Департамент полиции Министерства внутренних дел (МВД) и, в частности, входивший с 1880 года в его состав Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) [3, с. 11]. Однако если прежде органам политической полиции удавалось достаточно успешно выявлять и ликвидировать подпольные организации, то теперь их массовость и секретность стали серьезной проблемой для жандармов [4, с. 120].

Непосредственно же на территории Таврической губернии первые крупные революционные организации появились в конце XIX века в Керчи, Симферополе, Севастополе, Ялте и Феодосии [5, с. 8]. Противостояло им Таврическое губернское жандармское управление (ТГЖУ) в Симферополе, имевшее свои отделения почти в каждом уезде и градоначальствах. На территории крепостей (в Севастополе и Керчи) наблюдение за неблагонадежным элементом вели крепостные жандармские команды, а на железных дорогах и прилегающим к ним территориях – отделения жандармских полицейских управлений железных дорог [6, с. 43].

Однако если такая структура вполне соответствовала требованиям XIX века, то вызовы нового столетия требовали усиления органов государственной безопасности. Выходом из сложившейся ситуации начальники местной жандармерии видели активное использование агентов и наблюдателей-филёров, в которых на тот момент ощущался явный недостаток [7, л. 8]. Так, на всю губернию полагалось только два специально обученных агента, а простые сотрудники были просто не готовы к работе на столь высоком уровне, что приводило к ситуации, когда одного профессионала использовали для внедрения сразу в несколько подпольных групп [8, л. 2].

К 1902 году губернию буквально захлестнула волна революционной пропаганды. Антиправительственные листовки и прокламации регулярно обнаруживались в крупнейших городах, причем в наиболее людных местах [9, л. 186, 282]. Многие из них откровенно призывали к вооруженной борьбе «за свободу с темными силами

полицейско-жандармского гнета» и были наполнены угрозами к «холопам офицера Романова и поклонникам фетиша самодержавия» [9, л. 150]. Более того, число лиц, состоявших под негласным надзором, постоянно увеличивалось. Так в Днепропетровском и Перекопском уездах таких насчитывалось 6; в Бердянском и Мелитопольском – 28; в Керчь-Еникальском градоначальстве и Феодосийском уезде – 40; в Ялтинском уезде – 110; в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде – 43 [10, л. 2, 7, 16, 25, 32, 41]. Естественно, что к такому резкому увеличению числа политически неблагонадежных граждан местные органы жандармерии оказались не готовы. Даже сотрудничество с представителями общей полиции не могло разрешить сложившейся ситуации.

В Санкт-Петербурге, в свою очередь, трезво оценивали обстановку в стране, которая особенно накалилась после убийства в апреле 1902 года министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина. Поэтому было принято решение провести реформу политического сыска, сделав его более организованным и гибким. По инициативе чиновника Департамента полиции Сергея Васильевича Зубатова был разработан план по созданию в губерниях Российской империи ряда розыскных отделений, на которые бы возлагалась обязанность осуществления политического розыска на вверенной им территории и руководства секретной агентурой [3, с. 12]. Следует отметить, что подобные учреждения, под именем отделений по охранению общественной безопасности и порядка, к этому моменту уже существовали в Санкт-Петербурге (учреждено в 1866 году), Москве (1880) и Варшаве (1900). Именно на их опыте и планировалось создание новых подразделений, которые бы подчинялись исключительно Департаменту полиции. Что же касалось губернских жандармских управлений (ГЖУ), то за ними официально оставались только общее наблюдение и проведение дознаний.

В августе 1902 года распоряжением министра МВД Вячеслава Константиновича Плеве в районах наибольшего развития революционного движения создаются розыскные отделения: в Вильно (ныне Вильнюс), Екатеринославе (ныне Днепрпетровск), Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе (ныне Тбилиси), Харькове [4, с. 119]. В течение октября того же года создаются еще три отделения: в Перми, Симферополе и Нижнем Новгороде, состоящие из определенного числа вольнонаемных наблюдательных агентов и секретных сотрудников, находящихся в ближайшем заведывании командированных для этого офицеров ОКЖ [11, л. 5].

13 августа 1902 года директор Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин в циркулярном письме начальникам губернских жандармских управлений мотивировал создание новых структур желанием облегчить работу ГЖУ, которые «из-за усиливающегося за последние годы развития кружков пропагандистов социал-демократических идей в рабочей среде, распространения революционных воззваний, брожения среди учащейся молодежи, сопровождающихся уличными беспорядками, появления нелегальной литературы, возникновения революционных организаций», побуждает начальников жандармерии обратить почти исключительное внимание на политический розыск, отодвинув на второй план лежащие на них другие обязанности. Именно поэтому Департамент признавал необходимым учредить в некоторых местностях империи, где было замечено особо усиленное развитие рево-

люционный движения, розыскные отделения, на которые и возлагалось заведывание политическим розыском [12, л. 8].

Однако, как показало время, такое мотивирование оказалось во многом ошибочным, так как фактически с момента появления первых розыскных отделений возникло очевидное соперничество и разногласия между ними и губернскими жандармскими управлениями. Суть конфликта заключалась в том, что, хотя функции ГЖУ и розыскных отделений были разделены, в действительности розыскная деятельность (за которую отвечала «охранка») и деятельность наблюдательная, а также проведение дознаний (которыми занимались ГЖУ) тесно переплетались. На практике отделить одно от другого порой было невозможно. Более того, те руководители розыскных отделений, которые проходили по штабу Отдельного корпуса жандармов, в строевом отношении формально были подчинены начальнику ГЖУ. Последний, как правило, был в чине полковника или генерал-майора. Но в отношении служебном ему приходилось подчиняться младшему по чину начальнику розыскного отделения [4, с. 121].

2. ОРГАНИЗАЦИЯ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Официальным днем учреждения Таврического розыскного отделения в Симферополе стало 2 октября 1902 года. Главными причинами его создания в этом регионе стало нахождение здесь императорских резиденций, в которых государь и его близкие регулярно отдыхали, а также расположение главной базы Черноморского флота – Севастополя. Вместе данные обстоятельства, естественно, превращали Крым в территорию особого внимания органов государственной безопасности [13, с. 112].

Первым начальником Таврической «охранки», по личному распоряжению директора Департамента полиции, стал молодой, но уже известный в системе политической полиции Российской империи штабс-ротмистр Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович (1873–1952), ранее проходивший службу в Московском охранном отделении под началом самого С. В. Зубатова [11, л. 2]. По прибытии в Симферополь и вступлении в должность, одной из первых его задач стало знакомство и налаживание связей с представителями органов местной политической полиции, а также Таврическим губернатором, Севастопольским и Керчь-Еникальским градоначальникам, которые обязаны были оказывать ему всяческое содействие в работе [11, л. 1]. Согласно директивам, между ними, а также лицами прокурорского надзора, должен был идти постоянный обмен сведениями, причем исключительно по политическому розыску. Кроме того, губернатору и градоначальникам следовало разъяснить руководству общей полиции, что обыски и аресты по политическим делам, а также наблюдение за неблагонадежными лицами могут производиться лишь по соглашению с начальником розыскного отделения [11, л. 8].

После этого Спиридович приступил к исполнению своих обязанностей, которые были подробно изложены в «Положении о начальниках розыскных отделений» от 12 августа 1902 года и в дополнении к нему от 21 октября того же года [14, с. 36, 41]. Согласно этим двум документам, а также ряду последовавших циркуляров и распоряжений, главной задачей штабс-ротмистра являлось приобретение секретной агентуры, руководство её деятельностью, а также выбор и обучение филёров (на-

блюдательных агентов). Кроме того, Спиридовичу пришлось в обязательном порядке ознакомиться с историей революционного движения в регионе и с местной антиправительственной пропагандой, чтобы затем «развивать у секретных сотрудников сознательное отношение к делу службы» [15, л. 11]. Кроме данных агентуры и наблюдения, глава розыскного отделения обязан был пользоваться всеми имеющимися в жандармском управлении сведениями. Ввиду этого начальник таврической жандармерии обязан был открыть штабс-ротмистру доступ ко всем делам и перепискам управления и направлять к нему всю поступающую информацию, имеющую отношение к розыску. Подобная же обязанность ложилась и на начальников общей полиции. Также Спиридович поддерживал постоянную связь с начальниками общей полиции и главами других розыскных отделений, через которых собирал все необходимые сведения и обменивался образцами нелегальных изданий и прокламаций, получаемых через секретных агентов [12, л. 7; 16, л. 24].

Штаб-квартира Таврического розыскного отделения располагалась в Симферополе на улице Гоголевской в доме Лагутина (ныне дом № 7). Здесь же находилась канцелярия, организованная по образцу жандармского управления [17, л. 12]. Среди постоянных сотрудников канцелярии, помимо главы отделения, числились писмоводители, двое писцов и служитель, которые также утверждались Департаментом полиции. Вместе они вели регистрацию агентурных записок, дневников наблюдений, книги денежной отчетности, дела по переписке, специальную картотеку с данными о деятельности революционных партий и общественных деятелях. В особой компетенции начальника находился каталог поступавших в библиотеку отделения нелегальных изданий. Функции канцелярии были примерно такие же, что и в ТГЖУ, различаясь лишь более подробной номенклатурой составлявшейся документации [15, л. 13].

Официально к району розыскной деятельности таврической «охранки» первоначально относились Симферополь, Севастополь и Керчь. Однако в сферу наблюдения входили и другие пункты губернии в тех случаях, когда в распоряжении начальника розыскного отделения оказывались обстоятельные и определенные сведения о преступной деятельности в этих пунктах противоправительственных организаций. При подобной ситуации начальник командировал в них наблюдательных агентов, а также мог выезжать туда лично для ознакомления с ситуацией, предварительно поставив в известность начальника губернского жандармского управления [17, л. 70]. Когда же по результатам наружного наблюдения встретилась бы необходимость производства обысков и арестов, то глава розыскного отделения обязан был предоставить в Департамент полиции список лиц, отмеченных к обыскам и арестам, с кратким обозначением в отношении каждого лица оснований к этим мерам и степени участия его в подлежащем обнаружению государственном преступлении. При необходимости ликвидации целой организации, начальником «охранки» на имя директора Департамента представлялась подробная записка относительно данного сообщества с изложением всей истории его деятельности [15, л. 13]. Следственные действия должны были производиться местным жандармским управлением при личном участии и по указаниям начальника розыскного отделения. В тех же случаях, когда требовалось принятие безотлагательных мер для пресечения и предупреж-

дения преступлений, глава розыскного отделения просил помощи у начальника таврической жандармерии. Причем в данной ситуации содействие являлось для губернского жандармского управления обязательным, а ответственность за предпринятые действия возлагалась на начальника розыскного отделения. В то же время, без согласия Спиридовича в районе его наблюдения чинами Отдельного корпуса жандармов и общей полиции не могли быть производимы никакие обыски и аресты по политическим делам [18, л. 67].

Отдельно следует упомянуть об организации и обязанностях агентуры Таврического розыскного отделения, являвшейся, по сути, главной составной частью и силой политического сыска. Основу розыскного отделения составляли филёры (фр. *fileur*, от *filer* – выслеживать) – сотрудники, в чьи обязанности входило проведение наружного наблюдения и негласный сбор информации о лицах, представлявших интерес для политической полиции. Согласно штатному расписанию они делились на 3 разряда, в зависимости от опыта работы и, соответственно, выплачивающегося им жалованья [11, л. 23]. В первые месяцы своего существования среди филёров Таврического розыскного отделения насчитывалось 11 человек, из которых к первому разряду относились 3, к среднему – 6, а к низшему – 2. [11, л. 25]. Кроме того, для поддержки основного состава наблюдательных агентов также были задействованы двое чинов общей полиции, а именно – полицейских надзирателей, которые вели слежку за подозрительными лицами в Симферополе и Севастополе, получая за это жалованье от начальника политического сыска [11, л. 23]. Во главе наблюдательных агентов стояли старшие филёры, полностью руководившие действиями своих подопечных. Так, начальник розыскного отделения должен был только указать им лиц, подлежащих наблюдению, а выполнение технической стороны слежки полностью ложилась на старших филёров [15, л. 11]. Естественно, что для столь ответственной работы требовались опытные и надежные кадры, которых в Таврической губернии на тот момент было крайне мало, да и числились они за местным жандармским управлением. Для разрешения данной ситуации в ноябре 1902 года Департамент полиции определил в Симферополь для руководства здесь наружным наблюдением сотрудника Московского охранного отделения Гавриила Александрова (состоявшего ранее под руководством создателя школы агентов наружного наблюдения Евстратия Павловича Медникова), которому для переезда были выплачены 50 рублей [19, л. 11].

Следует отметить, что все желающие стать филёрами, несмотря на их вспомогательную роль в деле сыска, проходили серьезный отбор и утверждались в Департаменте полиции. Специальные циркуляры начальства сообщали, что наблюдательный агент должен быть «здоровым, крепким, без физических недостатков, хорошей нравственности, умственно развитым, расторопным, находчивым». Филёры должны были иметь не только навыки установки лиц по приметам, ознакомления с местностью и т.п., но и быть подготовленными теоретически: должны быть знакомы с организацией революционных партий, способами составления примет наблюдаемого, описания одежды, установки личности по приметам, отличиями форменной одежды служащих и учащихся, способами конспирации наблюдаемых и способами наблюдения при различной обстановке. Более того, филёр всегда должен был быть готов к

возможному переезду в район деятельности другого розыскного отделения по соответствующему распоряжению Департамента полиции [15, л. 12]. 31 октября 1902 года вышла даже специальная инструкция для филёров розыскных отделений. Из неё видно, что МВД желало иметь полный объем информации о розыскной деятельности в губернии. Так, старшие филёры должны были регулярно, по два раза в неделю, сообщать краткие сведения по текущему наблюдению и вообще обстановке в отделении. Что касается практических советов наблюдательным агентам, то и они были расписаны очень подробно. Так, в случае необходимости, филёры сопровождали наблюдаемого вплоть до района ведения другой «охранки», при этом постоянно телеграфируя своему начальству о состоянии слежки и месте своего нахождения. Такие телеграммы должны были носить характер торговой корреспонденции, вроде: «Товар Черного везу Тулу». Каждому из своих объектов наблюдения филёры должны были дать короткую кличку, которая бы характеризовала внешность наблюдаемого или выражала впечатление, которое производит данное лицо [15, л. 13]. Всю информацию агенты должны были заносить в специальные рапорты, причем очень подробно, с указанием точного времени, полных имен, фамилий, номеров домов, названий заведений и учреждений и т.д. В дальнейшем сведения из этих рапортов выписывалась в дневники наблюдения, и отправлялась директору Департамента полиции первого числа каждого месяца [20, л. 201].

Другую, еще более засекреченную и наиболее важную часть сотрудников «охранки» составляли агенты внутреннего наблюдения, главной задачей которых было проникновение в ряды преступных сообществ с последующим выяснением их организации и планов действий. Фамилии этих людей должны были быть известны только очень узкому кругу лиц – офицеру, «ведущему» осведомителя, и директору Департамента полиции. Остальные сотрудники могли знать только их клички. Обо всех агентах, как уже действующих, так и завербованных вновь, начальник розыскного отделения сообщал директору Департамента частными письмами без черновигов и занесения в журнал отделения. Кандидаты в секретные сотрудники проходили еще более жесткий отбор. От них требовалась не только абсолютная благонадежность и великолепное знание революционной идеологии, но и активность, свободная ориентировка на местности, определенная харизма и способность легко входить в доверие к людям [21, л. 18]. Как и в случае с филёрами, профессиональные агенты внутреннего наблюдения нередко прикомандировывались в Крым из столичных городов для раскрытия и подготовки к ликвидации наиболее крупных революционных организаций [22, л. 6].

За время существования Таврического охранного отделения численность всех его секретных сотрудников и агентов колебалась в пределах 20 человек, что в принципе позволяло взять под наблюдение те города, которые входили в район розыскной деятельности «охранки» [22, л. 10]. Всякое их общение и переписка с начальством были строго засекречены. Так опрос агентов разрешался исключительно на конспиративных квартирах, а многих сотрудников в лицо знал только начальник отделения [15, л. 12]. Кроме того, учитывая сложность агентурной работы и желая добиться их полной лояльности, Департамент полиции официально распорядился зачислять некоторых агентов и сотрудников в штат местной общей полиции в каче-

стве околоточных надзирателей, тем самым предоставляя этим лицам право государственной службы [11, л. 8].

Что касается финансирования органа политического сыска Таврической губернии, то оно было вполне солидным. Согласно сообщению МВД от 8 сентября 1902 года, розыскному отделению ассигновался кредит в размере 16 тысяч рублей в год. Распределялись эти средства следующим образом: жалование агентам – 12 тыс. руб.; на агентурные расходы и содержание секретных сотрудников – 4 тыс. [11, л. 3]. Уже в 1903 году общая сумма кредита возросла до 19 900 руб. (на содержание агентов – 12 тыс. руб.; им же на расходы – 3600 руб.; на содержание 2 конспиративных квартир – 600 руб.; на содержание секретных сотрудников и прочие агентурные расходы – 3000 руб.; на мелкие расходы, вроде телефона – 700 руб.) [22, л. 5]. Кроме этого, на содержание канцелярии отделения ежегодно отпускались средства в размере 3170 рублей (жалование письмоводителю – 1200 руб.; наём помещения с отоплением и освещением – 420 руб.; наём писцов и служителя – 1200 руб.; на письменные принадлежности, канцелярские расходы и мелкие надобности – 350 руб.). Что же касается телеграфных расходов, то они возвращались Департаментом ежемесячно, по предоставлению соответствующих квитанций [11, л. 4]. Любые почтовые переводы были бесплатны при наличии на них печати начальника «охранки» [11, л. 6]. Все деньги отпускались розыскному отделению по третям в течение всего года: январь, май, сентябрь. Отчетность о расходах заносилась в специальные книги, которые отсылались в Департамент полиции по истечении года вместе с оправдательными документами [11, л. 2].

Жалование ведущих чинов и сотрудников «охранки» также указывало на привилегированное положение данного органа Департамента полиции. Так, начальник розыскного отделения А. И. Спиридович получал не только содержание по военному ведомству, согласно своему чину (900 руб. чистого жалования в год; на прислугу – 96 руб.; квартирное довольствие), но и добавочное из секретной суммы Департамента полиции – 2800 рублей. Официально это объяснялось тем, что в розыскных отделениях была сосредоточена вся агентурно-розыскная деятельность жандармских управлений, и что таким образом на заведующих этими отделениями офицерах лежит более значительный труд и ответственность, сравнительно с обязанностями помощников начальника жандармского управления. Именно поэтому Департамент полиции решил поставить начальников «охранки» в положение «в материальном отношении соответствующее трудности и ответственности возложенной на них задачи». Еще одной льготой было то, что в случае перевода начальника отделения на должность офицера резерва, он получал еще и добавочное содержание резервиста (старшим – по 1500 руб., а младшим – 1300 руб. в год), что и составляло добавочное содержание в 2800 руб. за заведывание «охранкой» [11, л. 5].

Жалование филёров зависело от их разряда и приносимой пользы. Наиболее опытные получали по 50 руб. и больше, а наименее – по 20 рублей. Также им выделялось по 10 руб. суточных, и еще 15 руб. оставались на расходы по наблюдению [11, л. 23]. Два полицейских надзирателя, тоже ведших наружное наблюдение, получали жалование в 50 руб. в месяц (считая 10 руб. суточных). Старшие филёры, заведовавшие наружным наблюдением, выделялись из общей группы, получая 100

руб. жалованья и 75 руб. суточных [11, л. 25]. Кроме того, учитывая, что дело наблюдения может привести к непредвиденным и большим расходам агента, начальник розыскного отделения обязан был возмещать им потраченные средства [15, л. 12]. Интересен тот факт, что в ответе начальству на это распоряжение Спиридович отмечал, что условия жизни в Крыму для низших служащих очень тяжелы, так как цены во многом не ниже столичных, что не позволяло им, в случае необходимости, тратить личные деньги. В связи с этим, Департамент полиции разрешил при командировках в наиболее дорогие приморские области отпускать агентам по 2 рубля 50 копеек в сутки на квартиру, стол и др. [17, л. 71]. Стоит отметить, что полицейское начальство также выделяло пособия семьям скончавшихся на службе агентов. Так близкие наблюдательного агента Михаила Сучкова получили компенсацию в размере 300 рублей [23, л. 9].

3. БОРЬБА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Первые месяцы деятельности новообразованного Таврического розыскного отделения, согласно мемуарам Александра Ивановича Спиридовича, были весьма тревожны и волнительны в виду приезда их императорских величеств [13, л. 112]. Департамент полиции буквально засыпал «охранку» телеграммами о розыске и аресте утерянном наблюдением в Саратове члена боевой организации эсеров Михаила Мельникова, который направился в Крым, что очень беспокоило Петербург. Общую ситуацию также усугублял целый ряд неудач местной политической полиции. Так 14 октября провалом окончилась попытка ликвидации керченской подпольной организации, которая готовилась жандармерией долгое время [24, л. 145]. Не успели «голубые мундиры» оправиться от этого поражения, как пришли известия о подозрительной активности неблагонадежных лиц в Ялтинском уезде [19, л. 6]. Допустить такое во время пребывания императора в Крыму было немыслимо, а потому в порядке охраны было произведено несколько обысков, которые, однако, также оказались безрезультатными. Тогда же впервые и проявилось недовольство жандармов верховенством начальника розыскного отделения. Так, помощник начальника Таврического губернского жандармского управления ротмистр Кормилёв сетовал своему начальству, что чрезмерная осторожность штабс-ротмистра Спиридовича и его нежелание проводить обыски по «горячим следам» играют на руку преступникам [15, л. 8].

Но, несмотря на такое первоначальное невезение, органам политической полиции всё же удалось организовать для обеспечения соответствующего уровня безопасности в регионе. К этому моменту из различных регионов империи прибыли профессиональные филёры, которые под видом рабочих, в сопровождении местных коллег, взяли под надзор весь район южного берега Крыма [15, л. 20]. Все поезда между Симферополем и Севастополем также стали сопровождаться агентами и жандармами, а на почтовых станциях были учреждены специальные дежурства. Сам Спиридович буквально метался между главными пунктами, организовывая везде необходимое наблюдение. [13, л. 113]. Революционная газета «Искра» так описывала происходящее: «в Ялту нагнали целую армию шпионов, сыщиков и усилили штат жандармов. Словом, охрана достойная главного жандарма – Николая II». Также издание отмечало, в деле высылки неблагонадежного элемента «охранка» переусерд-

ствовала, так как высылались не только поднадзорные, но и люди заведомо не имеющие отношения к революционной деятельности [25, л. 8].

Проведенные решительные и активные меры позволили несколько остудить пыл и ретивость «неблагонадежного элемента», хотя обнаружить и арестовать опасного террориста Мельникова так и не удалось, что позволило тому до определенного времени скрыться. По воспоминаниям А. И. Спиридовича, после отъезда царя из Ливадии в начале декабря «стало как-то особенно буднично и серо» [13, л. 113]. Однако подобное затишье продолжалось недолго.

1903 год принес новшества в жизнь Таврического розыскного отделения. Главным из них стала смена начальника. Вместо ротмистра Александра Ивановича Спиридовича, который был переведен в Киевское розыскное отделение, эту должность 24 января занял 27-летний поручик Николай Викторович Трещенков (1875–1915), ранее прикомандированный к Таврическому жандармскому управлению [12, л. 2]. Другим нововведением стала смена названия органа политического сыска. С 13 февраля розыскные отделения официально переименовывались в охранные [12, л. 3]. Такое действие не было связано с изменением их функций, а характеризовалось мотивами чисто практического свойства. В переписке, предшествовавшей переименованию, указывалось, что начальников розыскных отделений такое название «шокирует... и создает для них, как и для самих учреждений, некоторые неудобства» [4, с. 120].

Новый начальник крымской «охранки», который только год назад был зачислен в Отдельный корпус жандармов, стал проявлять энергичные действия на столь ответственном посту, дабы с наилучшей стороны зарекомендовать себя перед начальством. Так, проведя ревизию дел и познакомившись с агентами, он сообщает в МВД, что чины охранного отделения ревностно относятся к своей работе и обязанностям [22, л. 9]. В то же время Трещенков жаловался губернскому начальству, что не все начальники общей полиции докладывали ему о происшествиях политического характера, а некоторые вообще не были осведомлены о факте учреждения охранного отделения. В связи с этим, поручик просил губернатора сделать им повторное внушение относительно исполнения соответствующих циркуляров и правил [12, л. 7].

В отличие от своего предшественника, Николай Трещенков не отличался особой осторожностью в работе, считая главным фактором внезапность. Одним из первых действий, которое характеризует его в данном ключе, стало распоряжение о проведении в ночь с 1 на 2 апреля обысков в Симферополе у 13 молодых людей, которые, согласно агентурным сведениям, собирались на квартирах и читали нелегальную литературу. Необыкновенность ситуации заключалась в том, что о необходимости обыска Николай Викторович уведомил местных жандармов и полицейских непосредственно в день запланированной акции [26, л. 93]. Подобное своеволие чуть не вызвало открытый конфликт в и без того натянутых отношениях между жандармерией и охранным отделением [17, л. 56]. Но, несмотря на общую неподготовленность операции, чинам политической полиции всё же удалось выявить у пятерых лиц революционные прокламации и сочинения, а также узнать, что кружком в разное время руководили В. Дахно и С. Архангельский [26, л. 93].

Фото. 1. Плевэ В. К. (1846–1904)

Фото. 2. Зубатов С. В. (1864–1917)

Фото. 3. Медников Е. П. (1853–1914)

Фото. 4. Спиридович А. И. (1873–1952)

Фото. 5. Представители московской школы агентов
наружного наблюдения. 1900-е годы

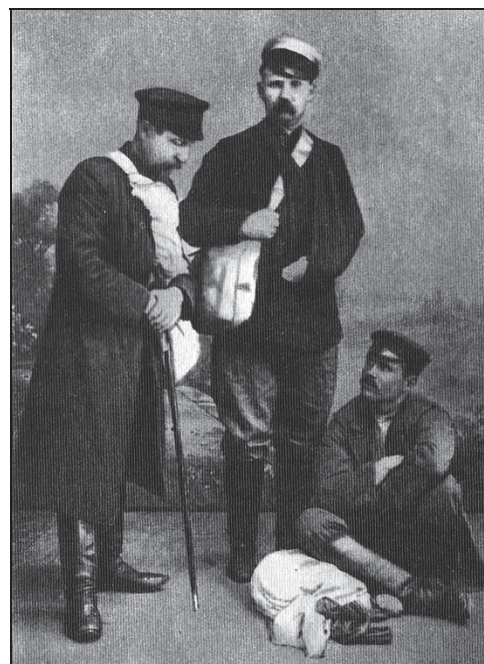

Фото. 6. Групповой портрет филёров.
1900-е годы

Фото. 7. Здание, где размещалась канцелярия Таврического охранного отделения. Фото 2013 года

После такого успеха начальник «охранки» переключил свое внимание на Керчь, где, согласно данным осведомителей, действовала подпольная социалистическая организация, слежка за которой началась еще в конце 1901 года [20, л. 191а]. Не проявляя долгое время активной деятельности, организация громко заявила о себе весной 1903 года. Именно тогда по городу стали систематически разбрасываться преступные воззвания с подписью «Керченская рабочая организация революционеров-социалистов». Агенту «Табачному» удалось узнать, что одним из главных деятелей этого сообщества является Шимон Южилевский, работающий заготовщиком в кожевенной мастерской. Другой секретный сотрудник «Станичный» вошел в состав этой организации, которой, как выяснилось, к началу марта стал руководить Арон Хемвель. Этот деятель также поддерживал связь с феодосийским преступным сообществом, передавая туда нелегальную литературу и прокламации, которые печатались в тайной типографии. Об этом он сам рассказал в Феодосии агенту «Абрамову» [20, л. 108]. В скором времени представители подпольной организации осмелели настолько, что 1 мая за городским цементным заводом вблизи крепости они собрали сходку из 18 человек, на которой читали программу и преступные стихи. В связи с этим, Н. В. Трещенков просил у Департамента полиции разрешение на проведение ликвидации [20, л. 109]. После ряда уточнений, из Петербурга пришел утвердительный ответ, за которым в ночь на 28 мая был проведен обыск у 21 человека [20, л. 114]. Как показало дальнейшее дознание, проводившееся уже Таврическим губернским жандармским управлением, в организации состояли как рабочие (около 10), так и интеллигенция (около 8). Общее же число членов составляло 50 человек, но активное ядро представляли только 18. Прокламации революционеры получали из Одессы, а тайные сходки нередко устраивали прямо на городском бульваре [20, л. 192]. Однако все арестованные лица (10 человек) оказались лишь рядовыми членами, а потому были в скором времени отпущены на свободу. Под стражей оставили только некоего С. Рабиновича, у которого обнаружили большое число нелегальной литературы [27, л. 165]. Поиски же и аресты лидеров керченской организации длились еще несколько месяцев [20, л. 191]. Так, 4 июня был арестован Н. Евдокимов, который печатал прокламации на гектографе. А Арон Хемвель, хоть и выехал в Одессу, но его точное местоположение было вскоре установлено, о чем и сообщили чинам одесской «охранки» [20, л. 195]. Другого деятеля – Григория Фарбера – агенты охранного отделения искали в Бердянске вместе с местными жандармами [20, л. 196].

Закончив ликвидацию керченской организации, начальник Таврического охранного отделения приступил к некоторой перестановке кадров. Так, профессиональный старший филёр Александров был им переведен из губернского города в Севастополь, в котором на тот момент наметилась тенденция к антиправительственной агитации и пропаганде [17, л. 12]. В Симферополе же, из-за недостатка опытных кадров, заведование наружным наблюдением легло на плечи письмоводителя канцелярии Павла Дьячкова. [17, л. 38].

Август 1903 года стал наиболее насыщенным на события в истории таврической «охранки». Начало месяца ознаменовалось ликвидацией в Мелитополе социал-демократической организации «Искорка». В ночь на 10 августа были проведены

обыски, выявившие подшивки газеты «Искра», а также множество брошюр. Было арестовано 6 членов сообщества, в основном учителей, среди которых был и серьезный агитатор Давид Индлин [28, л. 104].

12 августа до начальника «охранки» дошли сведения о забастовке рабочих в Керчи, куда он незамедлительно выехал лично. Оттуда он телеграфировал в Департамент полиции о происходивших беспорядках, стычках с правительственными войсками, числе раненых и убитых [29, л. 22]. Когда 14 августа забастовка окончилась, Трещенков приступил к личному расследованию её причин [29, л. 24]. Опрошив рабочих, он пришел к выводу, что их требования об увеличении зарплаты и сокращении рабочего дня вполне справедливы, так как на некоторых фабриках труд оплачивается весьма низко. Также, по мнению главы охранного отделения, беспорядки приняли большие размеры из-за неумелых действий и грубости полиции, которые вызвали у рабочих озлобление. Кроме того, поручик Трещенков выяснил, что среди активных агитаторов был аптекарский ученик В. Шимкин, который арестовывался еще при ликвидации 28 мая, но позже был освобожден жандармским ротмистром Шереметовым, несмотря на существующие явные улики [29, л. 26].

После керченских событий охранное отделение продолжило наблюдение за наиболее крупными центрами революционной пропаганды. В конце августа–сентябре был осуществлен розыск в Бердянске, Севастополе, Ялте и Феодосии. Первый город привлек внимание «охранки» массовым разбросом по улицам и вблизи заводов прокламаций «Российского социал-демократического союза горнозаводских рабочих». По ходатайству полицмейстера в город незамедлительно приехал лично Трещенков, который, войдя в согласие с местным помощником начальника губернского жандармского управления подполковником Кравченко, решил оставить на месте двух своих сотрудников, а полицмейстеру велел установить наружное наблюдение за подозрительными лицами [30, л. 1].

На главной же базе Черноморского флота Трещенкова интересовала деятельность кружка социалистов-революционеров [31, л. 2]. Так, агентам удалось тайно вскрыть одну из камер хранения на вокзале и осмотреть багаж некой Хаи Жаровой, известной под кличкой «Разъезжая». В её корзинах секретные сотрудники обнаружили 18 экземпляров революционной литературы и много листов бумаги, после чего вернули всё на место и установили за камерой постоянное наблюдение [31, л. 18]. 7 сентября вещи Жаровой были взяты с вокзала неизвестной женщиной и перевезены в квартиру отставного капитана Ревуцкого, в которую жандармы и нагрянули с обыском. В ходе дознания стало известно, что вещи были привезены некой Колотилиной из Ялты, но проведенные в том городе обыски не дали никаких результатов [31, л. 44]. Что же касается командирования агентов в Феодосию, то оно было вызвано сведениями о существовании там трех социал-демократических кружков, руководимых лицами из интеллигентной среды. Для временного руководства наружным наблюдением в город был послан Михаил Сучков (также известный под именем Яков Чекмарев) [17, л. 58]. Как удалось выяснить, члены местных подпольных организаций, помимо устной пропаганды приобрели гектограф и стали печатать прокламации «Феодосийской социал-демократической рабочей партии». 2 сентября

была проведена ликвидация с арестом 9 человек. Обыск обнаружил библиотеку нелегальной литературы, рукописные рефераты и др. [17, л. 70].

В октябре 1903 года начальник «охранки», после долгих поисков, смог определить центр революционной пропаганды в Севастополе. Таковым «рассадником революционных деятелей» являлась, по его мнению, городская больница (ныне городская больница № 1 им. Н. И. Пирогова), которую возглавлял бывший ссыльнокаторжный Василий Тимофеевич Голиков и старый народоволец старший врач Сергей Андреевич Никонов. Как сообщал в своих донесениях Н. В. Трещенков, подобранный этими людьми персонал состоял исключительно из политически неблагонадежных лиц. Также здесь под предлогом болезни находились люди, которым было запрещено проживание в губернии. Так, 16 октября там была арестована состоящая под гласным надзором Анна Щепетова, которая оказалась полностью здоровой и имела в больнице личную комнату. На вопросы Трещенкова к Никонову тот заявил, что не обращал внимания на политические взгляды своих пациентов. В то же время, вести наружное наблюдение за больницей было очень сложно, так как она находилась в отдаленном месте и была обнесена забором. Неоднократные обыски результатов не давали, так как там было много зданий, где «удобно прятать преступные вещи и людей» [21, л. 10]. Агентура указывала на передачу туда революционных изданий в тюках с ватой и на печатание в самой больнице преступных воззваний. В виду же прибытия в Севастополь в следующем году царя, Трещенков просил Департамент полиции удалить из больницы Голикова и Никонова в целях безопасности, что и было вскоре исполнено [21, л. 11].

Но не только больница являлась объектом наблюдения. Главное внимание в городе все же уделялось слежке за настроениями флотских чинов. В ноябре в их среде были проведены многочисленные обыски. Среди взятых под стражу оказался обвиняемый в распространении нелегальной литературы солдат севастопольской крепостной артиллерии Александр Степанович Гриневский (в будущем знаменитый писатель Александр Грин) [5, с. 91]. Однако, кроме стандартной информации о революционной пропаганде, появлялись и весьма тревожные сведения. Так, 30 ноября начальник Таврического охранного отделения выехал в Севастополь, чтобы лично побеседовать с матросом Довбанем, который, лежа в Севастопольском морском госпитале, узнал о готовящемся к Рождеству бунте рабочих и военных, а также о революционных идеях среди экипажей кораблей «Очаков» и «Екатерина II». Для этого даже якобы были назначены люди, которые в нужный момент перерезали бы телефонные и телеграфные провода, а также взорвали железнодорожные туннели. В связи с этим, ночью 1 декабря жандармы, провели обыск в госпитале, и нашли большое число революционных изданий, а также арестовали ряд пациентов-матросов [17, л. 24].

Несмотря на такой определенный успех в работе «охранки», её деятельность, и, особенно, позиция Николая Трещенкова, всё чаще приводили к конфронтации и трудностям в совместной работе между ними и жандармским управлением. В будущем это вполне могло грозить серьезными проблемами в деле борьбы с революционным движением. После ряда таких сообщений, Департамент полиции попытался решить проблему тем, что с начала декабря 1903 года велел главе охранного от-

деления прекратить наблюдение по Севастополю (который отныне возвращался под надзор таврической жандармерии), но, с другой стороны, усилить меры розыска в Керчи и Симферополе [31, л. 78]. В связи с этим, с начала нового года «охранка» вынуждена была перечислять часть поступавших ей денег в ТГЖУ на осуществление им розыска в Севастополе [23, л. 5]. Но, несмотря на такие изменения, поручик Трещенков всё же был приглашен вместе с главой губернской жандармерии 3 декабря в дом главного командира Черноморского флота на совещание по вопросу противодействия революционной пропаганде среди нижних флотских чинов, где они оба изложили свои взгляды на данную проблему [31, л. 79].

Как видим, конец года оказался для органа политического сыска не совсем удачным. Связано это было еще и с очередным конфликтом, но уже с представителем общей полиции, когда 24 декабря в Ялтинском уезде пристав второго стана Голенищев, без согласования с «охранкой», провел неудачный обыск у рабочих имения «Милос» на предмет выявления революционной литературы [32, л. 2].

Новый 1904 год начался для Таврического охранного отделения с активной работы над раскрытием и ликвидацией уже упоминавшейся бердянской революционной организации. После появления в январе на улицах города новых революционных воззваний, органы государственной безопасности перешли в наступление. 28 января чины жандармерии и общей полиции прибыли на завод «Вдова Матиас и сыновья», где обыскали трёх вызывавших подозрение рабочих. Среди изъятых предметов оказались печати «Российского социал-демократического союза горнозаводских рабочих» и прокламации. Все трое были заключены в тюрьму [30, л. 3]. Однако уже на следующий день у завода снова нашли 40 новых прокламаций с текстом относительно произошедших арестов. Понимая, что ликвидировать преступное сообщество можно лишь объединенными действиями, жандармерия, «охранка» и полиция стали действовать абсолютно согласовано. 3 февраля в город для этого специально прибыл Николай Трещенков. Он хотел лично присутствовать при массовых обысках лиц, которые проходили по делам всех ведомств. На общем совещании главы «охранки», представителя жандармского управления подполковника Кравченко и бердянского полицмейстера было решено, на основании положения о государственной охране, провести в ночь на 4 февраля обыски в квартирах 22 заподозренных в политической неблагонадежности лиц (в дальнейшем дополнительные обыски были произведены еще у 24 человек). Лидеры кружка Рафаил Кабе и Берк Бервиц, узнав о готовящейся операции, попытались накануне бежать из города в Мариуполь, но были задержаны железнодорожной жандармерией [30, л. 5]. Во время досмотра у них были найдены материалы для изготовления прокламаций, гектограф, печати сообщества и деньги, собранные с рабочих. У других же подозреваемых были найдены только единичные прокламации и подозрительная корреспонденция. Несмотря на это, в тюрьму были заключены 11 человек. В ходе проведенного дознания удалось выяснить, что кружок не успел стать большой организацией и насчитывал 16–18 человек, что позволило быстро установить всех его участников [33, л. 40]. Интересен факт, что после проведенной ликвидации, представители жандармерии и полиции решили обратиться к рабочим завода, где трудилось большинство арестованных, «с патриотической речью относительно последних событий на

Дальнем Востоке» (Русско-японская война). Данное мероприятие вызвало раскаяние у тех рабочих, которые и вовсе не привлекались к дознанию. Трое даже явились к подполковнику Кравченко, давая откровенные показания и желая «грудью стать за царя и Родину» [30, л. 7].

Дело по раскрытию бердянского подпольного кружка фактически стало последним в истории Таврического охранного отделения. Уже 1 марта 1904 года оно было упразднено по специальному распоряжению министра МВД (в тот же день были ликвидированы Полтавская, Уфимская и Красноярская «охранки»). Причиной такого решения стала общая нецелесообразность существования отдельных органов политического сыска почти во всех губерниях Российской империи, что приводило к многочисленным трудностям и противоречиям в их работе с местной жандармерией. В будущем правительство пришло к выводу о необходимости существования «охранок» лишь в наиболее опасных в революционном плане городах и местностях [18, л. 101].

В Крыму же эта информация стала полной неожиданностью. Об этом можно судить по тому, что накануне у главы Таврического охранного отделения было множество планов по проведению наблюдения и обысков с ликвидацией. Так, 10 марта Трещенков хотел провести обыски в Керчи у 13 членов местной организации РСДРП, а на 13 число были запланированы подобные действия в отношении 15 человек в Симферополе [34, л. 1, 3]. Однако, в силу упразднения отделения, обыски были проведены уже под руководством начальника Таврического губернского жандармского управления [35, л. 36]. Расчеты «охранки» оказались верны – было выявлено 4000 экземпляров нелегальных изданий, но далеко не все члены преступного сообщества, из-за отсутствия явных улик, предстали перед судом, что привело только к установлению гласного надзора над ними [36, л. 15].

В скором времени весь политический розыск на территории губернии был возвращен в ведение Таврического губернского жандармского управления. Канцелярия охранного отделения была расформирована, а её архивы со списками секретных сотрудников передали жандармерии. Некоторое исключение было сделано для Севастополя. Из-за того, что этот город находился на особом учете политической полиции, там весной 1904 года из агентов и филёров бывшей «охранки» был учрежден специальный охранный пункт, подчиненный жандармскому управлению [37, л. 2].

ВЫВОДЫ

Создание в 1902 году на территории Таврической губернии отдельного органа политической полиции, занимавшегося исключительно организацией розыска и наблюдения за государственными преступниками и подпольными организациями, явилось ответом правительства на разраставшееся здесь революционное движение. Однако главная цель данной реформы – разделение сыска, наблюдения и дознания, которая по задумке чиновников Департамента полиции должна была ликвидировать загруженность и сложность работы жандармерии, не привела к ожидаемым результатам. Несмотря на первоначальные успехи, два года существования «охранки» показали, что её действия и полномочия входят в серьезные противоречия с коллегами по службе. Фактически в Таврической губернии сформировалась не единая сила для противостояния революционерам, а два соперничавших между собой органа поли-

тической полиции, каждый из которых имел своё мнение на определенные вопросы, методы работы, а также секретных сотрудников и агентуру. Поняв это, а также учитывая ряд других факторов, МВД пошло на упразднение охранного отделения, вернув все полномочия и свободу действий губернскому жандармскому управлению.

Не могло исправить ситуацию даже назначение на должность начальника губернского политического сыска наиболее перспективных молодых офицеров Отдельного корпуса жандармов, о которых, как показало время, вскоре узнала вся огромная страна. Так, первый глава Таврического розыскного отделения Александр Иванович Спиридович, после окончания службы в Таврической губернии, вступил в должность начальника Киевского охранного отделения. В 1906 году он возглавил императорскую дворцовую охрану, обеспечивал личную безопасность царской семьи, а в 1916 стал ялтинским градоначальником [38, с. 4]. Вторым начальником – Николай Викторович Трещенков, после перевода из Крыма, возглавлял Нижегородское охранное отделение, где проявил себя активным и жестким борцом с беспорядками 1905 года. В 1911 году он стал помощником начальника Иркутского ГЖУ в Киренском и Верхотенском уездах. В 1912 году Трещенков печально прославился, как инициатор знаменитого расстрела рабочей демонстрации на Ленских приисках, что привело к фактическому краху его карьеры в органах политической полиции [39, с. 250–251].

Таким образом, симферопольская «охранка» и её бывшие сотрудники оставили заметный след не только в политической истории Крыма и Северной Таврии, но и всей Российской империи. В дальнейшем же её опыт был учтен, когда после событий первой русской революции вновь стала очевидна необходимость создания на территории Таврической губернии особого органа государственной безопасности, что и проявилось в последовавшем учреждении Севастопольского охранного отделения [4, с. 112].

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов Н. Н. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. / Н. Н. Анисимов // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 119–125 ; Вязьмитипов М. Н. Жандармы и армия : политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. / М. Н. Вязьмитипов // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 89–93 ; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с. ; Жухрай В. М. Тайны царской охранки : авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – М. : Политиздат, 1991. – 336 с. ; Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер / Р. С. Мулукаев. – М. : Наука, 1986. – 327 с. ; Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 416 с. ; Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – М. : Просвет, 1992. – 330 с. ; Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно: административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX – начале XX вв. / А. Н. Ярмыш. – К. : Юринформ, 1992. – 186 с.

Anisimov N. N. Ohrannye otdelenija i mestnye vlasti Rossii v nachale XX v. / N. N. Anisimov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 5. – S. 119–125 ; Vjaz'mitipov M. N. Zhandarmy i armija : politicheskij sysk i vooruzhennye sily Rossii v revoljucii 1905–1907 gg. / M. N. Vjaz'mitipov // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 1995. – № 1. – S. 89–93 ; Eroshkin N. P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii : uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie» / N. P. Eroshkin. – M. : Vysshaja shkola, 1983. – 352 s. ; Zhuhraj V. M. Tajny carskoj ohranki : avantjuriisty i provokatory / V. M. Zhuhraj. – M. : Politizdat, 1991. – 336 s. ; Mulukaev R. S.

Politicheskaja policija dorevoljucionnoj Rossii, ee reakcionnyj, antinarodnyj harakter / R. S. Mulukaev. – М. : Nauka, 1986. – 327 s. ; Peregudova Z. I. Politicheskij syisk Rossii (1880–1917 gg.) / Z. I. Peregudova. – М. : ROSSPJeN, 2000. – 416 s. ; Shhegolev P. E. Ohranniki, agenty, palachi / P. E. Shhegolev. – М. : Prosvet, 1992. – 330 s. ; Jarmysh A. N. Nabljudat' neotstupno: administrativno-policejskij apparat carizma i organy politicheskogo syska v Ukraine v konce XIX – nachale XX vv. / A. N. Jarmysh. – К. : Jurinform, 1992. – 186 s.

2. Бородин С. В. Севастопольское жандармское управление в борьбе с революционным движением в 1905 году / С. В. Бородин // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 283–287 ; Королёв В. И. Действовать энергично и по закону : история политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтикВА, 2007. – 196 с. ; Он же. Жандармы Крыма. Кто они? / В. И. Королёв // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Кучеренко А. Р. Діяльність адміністративно-поліцейських органів Таврійської губернії на рубежі XX ст. / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 96. – С. 117–120 ; Он же. Полиция Таврической губернии на спаде революции (1906–1907 гг.) / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 122. – С. 25–29.

Borodin S. V. Sevastopol'skoe zhandarmskoe upravlenie v bor'be s revoljucionnym dvizheniem v 1905 godu / S. V. Borodin // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 1999. – № 6. – S. 283–287 ; Koroljov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu : istorija politicheskoi policii Kryma / V. I. Koroljov. – Simferopol' : AntikVA, 2007. – 196 s. ; On zhe. Zhandarmy Kryma. Kto oni? / V. I. Koroljov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – S. 56–61 ; Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – S. 85–89 ; Kucherenko A. R. Dijal'nist' administrativno-policejs'kih organiv Tavrijs'koj gubernii na rubezhi XX st. / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2006. – № 96. – S. 117–120 ; On zhe. Policija Tavricheskoi gubernii na spade revoljucii (1906–1907 gg.) / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 122. – S. 25–29.

3. Ченцов В. В. Політичний розшук у царській Росії / В. В. Ченцов // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. – 2001. – № 2 (17). – С. 4–275.

Chencov V. V. Politichnij rozshuk u cars'kij Rosii / V. V. Chencov // Z arhiviv VUChK, GPU, NKVD, KGB. – 2001. – № 2 (17). – S. 4–275.

4. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 416 с.

Peregudova Z. I. Politicheskij syisk Rossii (1880–1917 gg.) / Z. I. Peregudova. – М. : ROSSPJeN, 2000. – 416 s.

5. Вьюницкая Л. Н. Дорогами революции : путеводитель / Л. Н. Вьюницкая, Л. П. Кравцова. – Симферополь : Таврия, 1987. – 208 с.

V'junickaja L. N. Dorogami revoljucii : putevoditel' / L. N. V'junickaja, L. P. Kravcova. – Simferopol' : Tavrija, 1987. – 208 s.

6. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов : исправлен по 15 января 1892 года. – СПб. : типо-литогр. Месника и Римана, 1892. – 356 с.

Obshhij sostav upravlenij i chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov : ispravlen po 15 janvarja 1892 goda. – SPb. : tipo-litogr. Mesnika i Rimana, 1892. – 356 s.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102 (Департамент полиции МВД), оп. 88, д. 214.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. 102 (Departament policii MVD), op. 88, d. 214.

8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 706 (Таврическое губернское жандармское управление), оп. 1, д. 22.

Gosudarstvennyj arhiv v Avtonomnoj Respublike Krym (GAARK), f. 706 (Tavricheskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie), op. 1, d. 22.

9. Ibid, д. 46. Ibid, d. 46.

10. Ibid, д. 51. Ibid, d. 51.

11. Ibid, ф. 770 (Таврическое губернское охранное отделение), оп. 2, д. 1.

Ibid, f. 770 (Tavricheskoe gubernskoe ohrannoe otdelenie), op. 2, d. 1.

12. Ibid, ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 3, д. 263.

- Ibid, f. 26 (Kanceljarija Tavricheskogo gubernatora), op. 3, d. 263.
13. Спиридович А. И. Записки жандарма / А. И. Спиридович. – Харьков : Пролетарий, 1928. – 205 с.
- Spiridovich A. I. Zapiski zhandarma / A. I. Spiridovich. – Har'kov : Proletarij, 1928. – 205 s.
14. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. Добряков. – СПб: тип. Штаба Отд. корп. жанд., 1903. – 650 с.
- Kratkij sistematičeskij svod dejstvujushhih zakonopolozhenij i cirkuljarnyh rasporzazhenij, odnosjashhihsja do objazannostej činov gubernskih zhandarmskih upravlenij po nabljudeniju za mestnym naseleniem i po proizvodstvu doznaniij / sost. polk. Dobrjakov. – SPb. : tip. shtaba Otd. korp. zhand., 1903. – 650 s.
15. ГААРК, ф. 770, оп. 1, д. 1.
GAARK, f. 770, op. 1, d. 1.
16. Ibid, д. 5.
Ibid, d. 5.
17. Ibid, оп. 2, д. 6.
Ibid, op. 2, d. 6.
18. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 37.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 37.
19. Ibid, ф. 770, оп. 3, д. 1.
Ibid, f. 770, op. 3, d. 1.
20. Ibid, оп. 1, д. 3.
Ibid, op. 1, d. 3.
21. Ibid, оп. 2, д. 9.
Ibid, op. 2, d. 9.
22. Ibid, д. 5.
Ibid, d. 5.
23. Ibid, д. 10.
Ibid, d. 10.
24. Ibid, ф. П-150 (Комиссия по истории партии и революционного движения), оп. 1, д. 9.
Ibid, f. P-150 (Komissija po istorii partii i revoljucionnogo dvizhenija), op. 1, d. 9.
25. Ibid, д. 58.
Ibid, d. 58.
26. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 58.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 58.
27. Ibid, ф. П-150, оп. 1, д. 45.
Ibid, f. P-150, op. 1, d. 45.
28. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 55.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 55.
29. Ibid, ф. 770, оп. 2, д. 8.
Ibid, f. 770, op. 2, d. 8.
30. Ibid, ф. 26, оп. 3, д. 372.
Ibid, f. 26, op. 3, d. 372.
31. Ibid, ф. 770, оп. 1, д. 6.
Ibid, f. 770, op. 1, d. 6.
32. Ibid, ф. 26, оп. 3, д. 271.
Ibid, f. 26, op. 3, d. 271.
33. Ibid, ф. 770, оп. 2, д. 12.
Ibid, f. 770, op. 2, d. 12.
34. Ibid, ф. П-150, оп. 1, д. 7.
Ibid, f. P-150, op. 1, d. 7.
35. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 63.
Ibid, f. 706, op. 1, d. 63.

36. Ibid, ф. П-150, оп. 1, д. 11.

Ibid, f. P-150, op. 1, d. 11.

37. Ibid, ф. 706, оп. 1, д. 74.

Ibid, f. 706, op. 1, d. 74.

38. Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове / Б. Г. Колоколов. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 584 с.

Kolokolov B. G. Zhandarm s carem v golove / B. G. Kolokolov. – M. : Molodaja gvardija, 2009. – 584 s.

39. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX века в лицах и документах : материалы к энциклопедии / сост. В. Г. Вишневецкий. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 2004. – 399 с.

Administrativno-sudebnaja sistema Vostochnoj Sibiri konca XIX – nachala XX veka v licah i dokumentah : materialy k jenciklopedii / sost. V. G. Vishnevskij. – Irkutsk : Irkut. obl. tip. № 1, 2004. – 399 s.

Пасечников И. О. Таврійське охоронне відділення у боротьбі з революційним рухом (1902–1904 рр.) / І. О. Пасечников // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 97–118.

Розглядається організація і діяльність Таврійського охоронного відділення в 1902–1904 рр.. Приділено увагу передумовам створення подібних органів політичного розшуку. Дається опис політичної і революційної ситуації як у всій Російській імперії, так, зокрема, і в Таврійській губернії. Показані відмінності в роботі «охранки» від решти подібних установ. Окремо відзначена її структура, співробітники та фінансування. Даються короткі біографічні дані начальників цієї служби в Криму. Також вказані вимоги до агентури та філерів. Описуються умови і правила їх служби. Аналізується робота охоронного відділення, спрямована на підтримку політичного порядку. Виділені найбільш яскраві епізоди боротьби з революційним рухом. Представлено спостереження за підпільними групами у найбільших містах регіону. Висвітлюються протиріччя і суперництво між органами політичної поліції губернії. Виявляються причини скасування Таврійської «охранки» у 1904 році. Пояснюється факт відродження її аналога в Севастополі. Зроблена спроба визначення ролі охоронного відділення в історичному процесі на території Криму і Північної Таврії в зазначений період.

Ключові слова: Таврійська губернія, політична поліція, Окремий корпус жандармів, охоронне відділення, «охранка», політичний розшук, революційний рух.

Pasechnikov I. A. Taurida guard department in struggle with revolutionary movement (1902–1904) / I. A. Pasechnikov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 97–118.

The article examines the organization and activities of the Taurida guard department in the period from 1902 to 1904. Guard department and commonly abbreviated in modern sources as «okhrana» or «okhranka» was a secret police force of the Russian Empire and part of the police department of the Ministry of Internal Affairs (MVD), aided by the Special Corps of Gendarmes. It was formed to combat political terrorism and left-wing revolutionary activity. The «okhranka» operated offices throughout the Russian Empire and in a number of foreign satellite agencies concerned primarily with monitoring the activities of Russian revolutionaries abroad. The task was performed by any means, including covert operations and undercover agents. The rise of the socialist movements called for the integration of security forces. Since 1898, the Special Section of the Department of Police succeeded the Gendarmes in gaining information from domestic and foreign agents. Following the Socialist-Revolutionary Party's assassination of MVD Minister Dmitry Sipyagin on April 2, 1902, the new Minister Vyacheslav Plehve gradually relieved Directorates of Gendarmes of investigation power in favor of Guard and Investigation department under respective Mayors and Governors (who as a matter of fact were subordinate to the MVD Minister). The «okhranka» used many seemingly unorthodox methods in the pursuit of its mission to defend the monarchy; indeed, some of the Okhrana's activities even contributed to the wave of domestic unrest and revolutionary terror that they were intended to quell. Directly in the article special attention was paid to the work of its bodies on the territory of Taurida Governorate. The duties of the guard department in maintaining political order and the struggle against the revolutionary movement had been analyzed. The differences between the work of the «okhranka» and other similar institutions was shown. Separately marked its structure, staff and funding. There are a brief biographies of the chiefs of this service in the Crimea. Also the requirements to the secret agents and police spies were described. The

brightest episodes of the struggle against the revolutionary movement were highlighted. Surveillance for the underground groups in major cities of the region was presented. The contradictions and rivalries between the bodies of political police of the governorate have been shown. The reasons of the abolition of the Taurida guard department in 1904 have been identified. The fact of the revival of its analogue in Sevastopol was explained. An attempt to determine the role of the «okhranka» in the historical process in the Crimea and Northern Tavria in this period was made. In the article the little-known sources and archival documents had been used.

Keywords: The Taurida Governorate, the political police, The Corps of gendarmes, the ugard department, «okhranka», the political spying, the revolutionary movement.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. И. В. Тункина

д.и.н., проф. И. Н. Храпунов